

Тербарий памяти

Классика кино, золотой фонд... Но не называть ли нам серебряным фондом список картин, на которые мы бегали, рвались, ломались, хотя эти названия не встретишь в кино-энциклопедиях? У каждого поколения список свой, как и должно быть. Для нашего это «Путешествие будет опасным», «Индийская гробница», «В сетях шпионажа», «Подводная лодка Т-9», «Джордж из Динки-Джаза», «Тарзан», «Бродяга», «Плата за страх»... Ничуть не уступая шедеврам по силе впечатления, они вошли в наши души, в нашу память, и след их поистине неизгладим.

«Плата за страх»... Французский фильм режиссера Клузо. По одноименному роману. С Ивом Монтаном в главной роли.

Впрочем, там хороши все, и, больше того, любые актеры, даже непрофессионалы, блестящие в этом превосходном сюжете.

Да, с сюжетной историей, с романа (автора не помню, в кинословарях нет) следует исчислять очки в пользу фильма, обошедшего экраны мира. Придумать происшествие вряд ли возможно: явно «списано с натуры»... Где-то в глубине континентальной Мексики вспыхнула нефтяная скважина. Решено сбить пламя взрывной волной. Требуется нитроглицерин или что-то подобное — жидкость в канистрах, плотно забитых кузовами двух грузовиков. Им предстоит путь в сотни миль по дорогам, напоминающим русские. Достаточно первого толчка, рывка: вещество в канистрах взорвется. За баранки садятся французы: по двое в кабине, чтобы сменить друг друга. Это несчастные, отчаявшиеся в нужде люди, чьих судьба забросила в мексиканскую Тмутаракань. У каждого мечта вернуться во Францию, но ни у кого нет денег. И вот рейс смертников-добровольцев начался. Сердца зрителей два часа бьются, отзываясь звоном в висках, в такт с сердцами героев. Десятки непреданных препятствий, сотни колдобин и рытвин, какие-то обвалы, камнепады...

Ну, а развязку опытный зритель, знаток трагедийного жанра так или иначе предугадал. (Позже выйдет на экраны лента под названием «За все хорошее — смерть»). Груз доставлен. Монтан набил кошель, дорога в Париж открыта, — он, разумеется, тоже парижанин — и, весело крутя баранку, потеряв на мгновение бдительность, «счастливчик» срывается в карьер. Финита ля комедия...

Сам ли Клузо нашел этот гениальный в своем роде роман — в книжных развалах Парижа, которые сравнимы с морем? Автор ли послал книгу режиссеру?

— Этот роман предложил Клузо я, — сообщает мой сосед по койке в студийном общежитии. — Он прочитал и усомнился: может ли получиться фильм? Ну сели в машины, ну едут, два-три гэг с препятствиями — и дальше скука. Нечего смотреть!

— Мирон Самойлович! Ушам не верю.

— Все верно! Я стал его убеждать, мы спорили. Прочли другие завсегдатаи «кафе киношников» — как бы сказали у

вас. Клузо упрям, привередлив, но, наконец, согласился. Мне говорил, пока снимал: «Мишель, если фильм провалится, — а дело идет к тому, — ты мне заплатишь полную стоимость». Но кончилось успехом, шампанским, заверениями в лучших чувствах!

— А ваш човар?!
— Ну я уже собрался тогда в Союз: за хлопотами, суетой забылось. Мне было приятно оказать услугу превосходному режиссеру: «Набережная ювелиров», «Манон», «Плата за страх» — это Клузо!

— Черт побери! Ваше решение стать возвращенцем, похоже, во всех отношениях вышло вам боком.

— Я не жалею, — мой собеседник обвел взглядом стены. — Это ведь с вашей, Олег,

Олег Хомяков

Миша из Парижа

легкой руки общежития называют «Панкращем»?

— Да все от моей любви к «Швейку».

— Ни во Франции, ни в Мексике, ни в Бразилии я не видел и не увидел бы ничего подобного...

Глаза «возвращенца» окинули комнату в 25 коек и остановились на плакате, висевшем на стене над длинным кухонным столом: «Перекуем мечи на ключи от персональных квартир!»

ТОТ, о ком я хочу рассказать, без никаких препон попал в Союз, жил в прекрасных городах, работал на нескольких работах. Что рассказывал он о себе, 50-летний человек, на беседе в советском посольстве в Париже? Мирон Самойлович Кустов. Родился в Одессе. Мальчиком был увезен родителями во Францию в двадцатом году. Где учился? В школе, в экономическом колледже, но всякий француз (как объяснить это советским?) получает еще и гуманитарное высшее образование — в кафе. Это отнюдь не шутка! Взять сферу искусства. Есть кафе поэтов, художников, артистов, кинематографистов. Начав работать в кино в должности администратора, директора картины (не путать с продюсером, который субсидирует постановку), Кустов все свободное время проводил в кафе кино. Там — весь цвет. Непрерывные, ниспадающие водопадами лекции, семинары, симпозиумы... За бокалом вина, чашкой кофе вы не замечаете, как скоро начинаете разбираться во всем — от романов Достоевского до фильмов Хичкока. Там же вы проходите языковую практику: Париж — интеллектуальная столица мира. Он, Кустов, свободно владеет пятью европейскими языками. Понимает речь мексиканца, бразильца. Это уже «издержки» второй мировой. Из Парижа, спасаясь от немцев, Кустов переехал в Марсель, затем в Африку, в Новый Свет. Что он будет делать в СССР? Ну, знаете, имея связи во

Франции, зная языки, конъюнктуру, он может оказать неоценимые услуги Министерству кинематографии. Хотя бы по линии закупок картин...

Написал эти строки — и он мелькнул передо мною, как тридцать лет назад. Кафе — не теннисный корт: М. С. запасся не только знаниями, но и брюшком, жирком. Влитая в плечи, птичья шея, гибкая, верткая, как резиновый шланг. Седые волосы «век-волкодав». Развита нос, полные губы, серо-голубые, чуть нависающие глаза. Стандартный костюм, угольный платок в нагрудном кармане. Но сидел он на «возвращенце» как-то особенно элегантно, носил его с парижским шиком. Даже пепел от сигарет, которые М. С. не выпускал изо рта (они стоили копейки),

никогда не стряхиваемый ни с пиджака, ни с брюк, придавал «нашему французскому другу» такую симпатичную божественность. Его живые полупоклоны, раздаваемые встречным, обаятельная, любезнейшая, но ничуть не маниловская улыбка, грациозная раскованность, никогда не переходящая в развязность, лишь играво граничащая с нею, — все было мило, услодно нашему русскому, изголодавшемуся по всему изыскающему взору.

Тысяча девятьсот пятидесяти год. В Москве М. С. Кустову, только что прибывшему из Парижа, дают понять, что ни МИД, ни Министерство кинематографии в его услугах не испытывают ни малейшей нужды. На языках «шпарят» многие, чтобы переводить, есть дочери «шишек» (на большее не способные), а закупать фильмы не надо, так как целый ворох захвачен в качестве трофеев и советский зритель не отсмотрел еще и половины. К тому же за границу из СССР ездить лишь очень-очень проверенные люди, а до этого в нашем, гражданине Кустов, случае еще далеко. «Как вам понравилась Москва?» — «Я в восторге», — М. С. потянул из кармашка платок, как парашютист вытяжное кольцо. Увы, купол не открылся: «Но у столицы есть недостаток», — сообщила ему: она переполнена... «Мигрантами!» — «Нет, урожденными москвичами. Поэтому она закрыта для всех, для вас тоже. Поезжайте в Санкт-Петербург (ныне Ленинград). Там есть киностудия. Также орденская, как и «Мосфильм» — «Это утешает», — не преминул заметить парижанин. Так, в свободном падении, он летел до города на Неве.

Ленфильмовцы ломали головы, как трудоустроить гостя — и приятного, и незваного. Сунули его в производственный отдел. Там приезжий ощутил себя яйцом, которое из-под курицы поместили в цилиндр — под поршень. Он пришел в инстанцию МВД, говорит: на дворе — ноябрь, на Неве — лед, в кошельке —

ноль, а пальто — парижское, демисезонное...

— Вы замерзли?

— Да...

— Родина согреет блудного сына.

Его отправили в Ташкент. К китайской грамоте советского фильмопроизводства добавился узбекский язык, мало похожий на европейские. «Француз» явился в МВД:

— Мне жарко! Я знаю африканский зной, бразильскую жару, но настоящее пекло здесь. Пробковый шлем и шорты я оставил в Мексике...

Майор понимающе кивнул. В руках его оказался циркуль. Он разложил на столе карту, ткнул ножку инструмента в «Ленинград», другую в «Ташкент», поделил расстояние пополам:

— Не холодно, не жарко — это Свердловск. Поезжайте туда, но больше не морочьте нам голову!

Так, на запасном парашюте, Дон Кихот Парижский приземлился на границе Европы и Азии.

НЕКОТОРОЕ время М. С. Кустов и на Свердловской киностудии «работал» в производственном отделе. Кавычки, к сожалению, необходимы: скорее, присутствовал при работе. И неудивительно, так как непонимание им самых азов социалистического труда и образа жизни принимало порой анекдотические формы. Он решительно не понимал слова «отчет»: если работа сделана, зачем отчитываться? «А разве продюсер, давший деньги на фильм, не спрашивал отчета?» — «Никогда!» — кипятился М. С. «А если вы часть денег прикарманили?» — «Это узнаете раньше или позднее. Кустов ездил на «рено», пересел в «мерседес». Откуда деньги? Два-три факта, и всем без никакого «отчета» все ясно. Взятая под сомнение репутация, а с ее гибелью гибнет ваша деловая жизнь» — «Ну а если вы сэкономите и вернете деньги?» — «Думаете, продюсер погладит по голове? Ошибаетесь, придет в неистовство. Спросит: почему вы пригласили актрису Мари, а не Мадлен. Мадлен стоит дороже, но именно на ту сумму, которую вы изволили «экономить»! А фильм с Мадлен дал бы прибыль, превышающую экономию в тысячу раз. Больше с таким «экономистом» продюсер дела иметь не будет».

Позже, когда М. С. работал помощником директора на наших фильмах, он выходил из себя, когда в отчете требовалось указать номера московских такси, которыми пользовалась киногруппа. Он, разумеется, не записывал их, будучи в столице. Бухгалтер студии Марк-Давыдыч (за кривошею и болезненное нежелание кому-либо что-либо платить его прозвали на студии Мрак-Невыдачу) садистски не принимал отчет без номеров.

Тогда Кустов шел в соседнюю комнату, звонил в Москву сценаристу, жившему рядом со стоянкой такси, и просил его подойти на минуту к окну... Представ перед бухгалтером с дюжиной номеров, М. С. растягивал губы в извинительной улыбке: «Я-таки записал эти проклятые номера, но бумажка завалялась в кармане. Пожалуйста!»

...Вообще Кустов и Мрак-Невыдачу сразу не сошлись характерами. «Француз» положили скромную зарплату, но и ту он не получил полностью. «С вас, во-первых, удержали подоходный налог...» — начал главбух. «Какой, к черту, подоходный налог?! — вскипел М. С. — У меня нет доходов!» «Вы, пожалуйста, не выступайте!» — в предчувствии жарено-

го откинулся главный на спинку стула. — Мы ведь не папуасы: газеты читаем. Как раз сегодня сообщают о росте подоходных налогов — во Франции! — Да! Но ведь там берут налог только с имеющих доходы. Вы в состоянии уразуметь? Я делаю рельсы, дамские шляпы, извините, презервативы и имею доход. Но если я снимаю фильмы, получаю одну лишь зарплату, это не доход» — «Мирон Самойлович, — осадив, прогундосил страж государственной казны. — У нас не так: налог взимается со всех поголовно» — «Но ведь народ не стадо баранов, чтобы стричь с него шерсть вкруговую!» — «Не надо антисоветщины...» — «Хорошо. Если минусовать «подоходный», вы мне все равно не доплатили» — «С вас удержали бездетный» — «Но у меня есть дочь» — «Где?» — «В Париже» — «Я спрашиваю: где доказательство?» Кустов полез в карман, вынул туго набитое портмоне, похожее на карманный сейф с документами, отыскал снимок миловидной девушки.

Мрак-Невыдачу подтянул нарукавники с видом соскучившегося по жертве палача: «Кто это?» — «Моя дочь Анна» — «А я подумал — кинозвезда» — «Вы мне сделали комплимент» — «Нет, я в том смысле, что вы мне никак не докажете, что это не кинозвезда» — «Но она же вылитый я! — чуть не взвыл М. С. — Сравните ее брови и мои, ее подбородок и мой...»

Бухгалтер с сатанинской ухмылкой: «Я вижу некоторую схожесть ушей. Но этого мало. Фотография не документ» — «Помилуйте, во всем цивилизованном мире фото- и бумажные документы уравниваются в правах!» — «Но не у нас. Только то, что написано пером по бумаге, — юридическое свидетельство» — «Или пером по фотобумаге! Разницы, надеюсь, нет!»

Кустов перевернул фотографию, сунул истязателю под нос. «Что это?» — по-змеино-му прошипел бухгалтер, вглядываясь в надпись на незнакомом языке. «Ах, простите!» —

не преминул «лягнуть» обидчика М. С., кое-что прослышавший. — Вас ведь обучал в школе не «французик из Бордо». Я перевожу: «Дорогому папочке от любящей дочери Анны. Париж. 1952 год» — «Слушайте, не ваяйте дурака! — Мрак-Невыдачу погрузился в обычную угрюмость.

— Где ваша дочь сейчас?» — В Брюсселе. Она вышла замуж за бельгийца.

— Вот и напишите в Брюссель: пусть загс или исполком пришлет справку.

На сей раз верх взял он: Кустов написал дочери, она прислала справку из мэрии.

На пятый год жизни в Свердловске Кустов записался-таки на прием к предисполкому, чтобы узнать о шансах на квартиру (или угол в коммуна-

ке). Его приняла заместительница, которую мне хочется называть «Парамоновой» по аналогии с песней Галича: «Парамонова вся стала синяя...». Ее, разумеется, ввели в курс, что за птица этот парижанин. Она приоделась, навела парфюмерный марафет, обставила комнату цитатами с диаграммами и схемами.

Сразу резко отказав просителю (люди из подвалов не выселены, в бараках семьями ютятся, а этот, имевший квартиру в Париже (!), качает жилищные права), Парамонова обуздала эмоции и достала из стола указку:

— У вас может создаться впечатление, что мы строим мало, что советская власть о народе не думает, — подойдя к диаграмме, она обвела указкой сектор, помеченный цифрой «1913». — Вот сколько жилья было построено в Екатеринбурге за предвоенный год, а вот сколько за годы сталинских... то есть первых пятилеток. А это 1940 год...

— Можно вопрос...

— Вы слушайте! Здесь схема роста домостроительных заводов...

— Любезнейшая!

— На этом сегменте перспектива семилетнего плана...

— Я прошу вас указать точку, а не сегмент, где обозначены мой дом, моя квартира! И не через 7 лет, а сегодня, сейчас.

— Гражданин Кустов! Мы ведем громадное строительство! — Я ваших планов люблю «Громадь». Но мне 56, и я не знаю, что мне делать с громадным желанием жить в своем доме!

— Мы говорим на разных языках! (...«вся стала красная»).

— Ну да — вы на французском, я на русском.

Забегая вперед, скажу, что визит в социалистическую мэрию все же не был напрасным: «парижанина» сунули в коммунальную клетушку в соседство со старейшим режиссером Оболениным и кочегаром студии дядей Федей. Но, придя из исполкома, проситель рух-

нул обессиленно на койку и долго лежал, не шевелясь.

ВОСПИТАННЫЙ в парижских кафе, М. С. впитал в себя культуру живой, раскованной речи, терпеть не мог общих фраз и всяческой демагогии. Излюбленным приемом в политике был для него мостик в сравнение, метафору, микроисторию. Запомнилось, к примеру:

— Главный враг СССР не американский президент, а советский газетчик. Если ему дать свободу слова, он взорвет Союз в мгновение ока! Ну это как взрыв в замедленной съемке, когда кажется, что обломки медленно поднимаются, словно парят в воздухе. Такое явление при свободе печати могло бы продолжаться несколько лет, которые пролетят, как одно мгновение! Прибалтика заявляет свои права на отделение (и будет права, между нами говоря), ей в затылок выстраивается Западная Украина, весь Кавказ, вся Средняя Азия — у этих прав меньше, но сработает принцип домино. Миром ведь правят не народные массы, а политики, которых Хемингуэй назвал окурками на дне пивной кружки. Этих «окурков» наберется больше, чем на кружку — в бывшем Союзе... К счастью, этого никогда не случится! У компартии много недостатков, но в умении держать бразды правления ей не откажешь.

Прогноз, который не сбывался...

Хотя ключ от персональной комнаты и был вручен М. С. Кустову, ему в ней не зажилося. Все труднее при сатанеющей бюрократии было работать, все невыносимее становилась роль трутня, захребетника.

М. С. подал заявление — на выезд. В те годы это было все равно, как предложить свою кандидатуру для высадки на Луну. Мы вразумляли незадачливого возвращенца, что «хождение по учреждениям» типа КГБ кончатся «психушкой» — иного не дано. В Союз можно въехать, выехать из него нельзя. «Ну это же не концлагерь Дахау, где узников встречала надпись: «Отсюда не возвращаются!» — возражал он. Сердобольные шептали на ухо: «Хуже!» И все же, спустя два года, он вдруг предъявил нам... разрешение на получение выездной визы.

А ларчик, как мы узнали потом, открывался просто: Жорж Садуль, именитый французский кинокритик, воспользовавшись атмосферой первого Московского международного кинофестиваля, позвонил Хрущеву и сказал: «У вас тут подзажился мой хороший приятель, Мишель Кустов. Старый романтик! Очень хвалит Союз и скучает по дочери, которая живет в Брюсселе. Она замужем за миллионером. Он оплатит Мишело поезд, если вы...» — «Понимаю», — ответил с ходу Н. С., — мы никого не держим». Нажал тут самую кнопку, тем самым пальцем — и через месяц в «Панкрац» пришла открытка из Бельгии:

«Долетел благополучно... весь в слезах... Перекуем мечи на ключи от счастья! Ваш Мирон».